

Капризы и странности судьбы

Судьба всегда дает шанс! Не верите?

Читайте романы Олега Роя:

■

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Банкротство мнимых ценностей
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Таяна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Фантомная боль
Я тебя никому не отдам

Страх
И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека

Диалогия «Ловушка»
Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных

Секреты семейного счастья от Олега Роя
МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина
Скользкий странник

Сборник рассказов О. Роя и участников конкурса «Страсти по Олегу Рою»

ОЛЕГ
РОЙ

Три краски
роман

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р 65

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии литературного агента
Н. Я. Заблоцкиса

Рой, Олег.

Р 65 Три краски / Олег Рой. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-83704-5

Под Новый год Лариса получила от родной телекомпании подарок – набор красок для волос. И хотя ей, как самой отстающей сотруднице, подсунили бракованную упаковку, девушка не обеспокоилась качеством косметики. Все знают: по натуральному цвету волос многое можно сказать о характере человека. Думала ли Лара, что окрашивание в черный повлечет глубинные изменения и темперамента, и образа жизни! Не нарадуется теперь начальство успехам своей журналистки. Счастлива и она сама: не зависит от мужского внимания, чувствует в себе самодостаточность. Но в коробке осталось еще две краски – блонд и рыжий. Каких чудес ждать от их использования?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83704-5

© Резепкин О., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

Из дневника Джона Хемистри

10 октября 2011 года

...Моя Эмми... она меняется! Она становится другой! Я не могу поверить своим глазам, но она вышла оттуда! Она поняла, как нужно это сделать! Еще вчера, когда я открывал дверцу, Эмми пристально за мной наблюдала. Я заподозрил, что это внимание неспроста, но после решил, что ошибся, принял желаемое за действительное. А сегодня... Она сама отворила дверцу и совершила все именно так, как делал я: повернула ключ, при этом слегка приподняв засов! Неужели это действие вакцины? Неужели это сделал я?! Да, совсем забыл написать, кто я, — ведь это важно, в случае если мои эксперименты удачны, страна... (зачеркнуто) мир должен знать своих героев!

Меня зовут Джон Хемистри, я ученый. Числюсь в штате косметического холдинга, по известным причинам не буду называть его полностью.

А Эмми — это моя любимая!

Моя подопытная мышь.

Я назвал ее по имени одного очень дорогого мне человека, но об этом потом.

15 октября 2011 года

Она уже свободно выходит из клетки. Сама отворяет засов, сама затворяет. Странно, она даже не пытается убежать. Вчера Эмми под-

Олег Рой

бежала ко мне и внимательно следила за тем, как я работаю. Мне показалось, что она изучает алфавит. Может ли моя милая крошка что-то понимать, ведь она всего лишь мышь? Я решил поставить научный эксперимент. Сейчас сделаю табличку с надписью: «Кнопка вызова — нажать, когда хочется есть» — и повешу ее в клетке. Там же установлю кнопку. Смешно, но мне хочется верить, будто что-то получится...

17 октября 2011 года

Мои ожидания тщетны. Она не нажимает на кнопку. Впрочем, это отнюдь не странно, чего я мог ожидать от мыши — разве она научится читать? Даже человек вряд ли бы смог освоить чтение самостоятельно, основываясь только на наблюдениях. Тут нужен учитель. Боже мой, о каком учителе я пишу, когда речь идет о простой серой мыши?! Я, наверное, схожу с ума — с утра до ночи сижу над формулами, мне даже по ночам снятся цифры. Стоит меньше работать. Впрочем, надо дать Эмми алфавит, чтобы знать, что я хотя бы пытался.

21 октября 2011 года

Не могу описать, какое волнение я сейчас испытываю. Сегодня утром, как обычно, пришел в лабораторию и долго сидел, изучая свою вакцину. Я придумал некую композицию, которая может изменить ее, и, возможно, в таком виде вакцина даст больше результатов (по известным причинам не стану писать ее формулу здесь). Я был так занят, что, признаюсь, совершенно позабыл насыпать в кормушку Эмми свежих зернышек, как делал обычно каждое утро. Вот я сидел и думал и вдруг услышал звук, настолько резкий и не-

Три краски

ожиданный, что подпрыгнул. От волнения у меня задрожали руки. Они дрожат и до сих пор — ведь это была Эмми! Она нажала на кнопку! Нет, я знал, я верил, я надеялся, ведь не зря я подкинул ей уменьшенную копию алфавита. Я даже видел, что она листает его, но умение читать недоступно даже обезьяне! Невероятно! Я, конечно, сразу же подбежал к клетке и дал Эмми поесть. А еще погладил по шерстке. И мне показалось, что ей приятно!

23 октября 2011 года

Она действительно читает. Я сделал три таблички: «Нажать один раз, если хочется есть», «Нажать два раза, если хочется пить», «Нажать три раза, если хочется получить палкой по голове». И, что удивительно, трехразовый сигнал не прозвучал еще ни разу. Зато по одному-два раза она нажимает постоянно. Из-за этого дурацкого эксперимента Эмми стала поправляться, а я — худеть, для меня уже невыносимо бегать к клетке и обслуживать эту мышь. Я начинаю подумывать о смене объекта эксперимента. Вчера завел вторую особь, назвал ее Кристи. Это тоже самка. Теперь она сидит совсем близко к Эмми, их разделяет только стенка, и, похоже, Эмми это не по душе — по крайней мере, она периодически забрасывает свою соседку семечками. Я пока не спешу ставить эксперименты над Кристи, надо полностью изучить, что происходит с Эмми. Она опять нажала на кнопку, пойду дам ей поесть.

30 октября 2011 года

Умна, хитра, властна — такой стала Эмми после того, как я втер в ее шерстку эту вакцину. Это величайшее открытие! Я, конечно,

Олег Рой

мог бы прямо сейчас раскрыть свои карты и получить огромные средства на развитие проекта, но не хочу торопиться — возможно, есть побочный эффект, который до сего момента еще не обнаружился. В таком деле спешка неуместна. Нельзя зазнаваться, хотя я (чего скрывать) уже начал прикидывать, на что потрачу Нобелевскую премию. Разве мама могла представить, что я вознесусь на высоты науки?! Мама... Даже ей я не могу пока рассказать про свое изобретение, к тому же она меня не поймет, ведь она не ученый, не физик, не химик и даже с косметическим холдингом, в котором я работаю и имени которого по известным соображениям не называю, никак не связана. Увы, обстоятельства сложились так, что моя мама — обычная уборщица, подметающая улицы Манхэттена. А папа... Кто его знает, какой он? Он бросил маму еще тогда, когда я только-только стал заявлять о себе в ее чреве. Мама говорит, что он, наверное, теперь поэт или певец, потому что уж очень хорошо пел дифирамбы. А еще, возможно, бегун, потому что, узнав о ее беременности, едва не позабыв подхватить собственные трусы, бежал так быстро, что за ним не угнался бы даже чемпион по бегу.

Пока я был совсем маленьким и спрашивал про папу, мама отмахивалась, говорила, что он уехал далеко-далеко, на необитаемый остров. И с тех пор в моем сознании отец предстает передо мной худым, бледным, кареглазым (прямо как я), с развевающимися от ветра курчавыми черными волосами. Он нагишом бежит по песчаному берегу среди пальм и пышной растительности и при этом умудряется петь нечто вроде: «О соле, о соле миа!..»

Три краски

Я пишу какие-то глупости, должно быть, но это Эмми загоняла меня до сумасшествия. Кстати, о ней — я сделал четвертую табличку: «Нажать четыре раза, если потребуется помыть посуду после еды», — и теперь каждый раз после того, как Эмми поест, она нажимает кнопку четыре раза. Мне кажется, она издевается надо мной — на ее усатой мордочке появляется подобие ухмылки. Я подумываю провести трубопровод с маленьким краником в клетку, чтобы Эмми смогла сама мыть за собой посуду.

14 ноября 2011 года

Нет, она вконец загоняла меня. Крис дрожит от страха, когда Эмми к ней приближается. Уж не знаю, чем та ее запугала. Она все меньше походит на мою Эмми, ту, ради которой я дал имя милой мышке. С Эмми (вернее, лучше написать Эмили, чтобы различать их) я познакомился в колледже. Она стала для меня единственным другом, кроме нее, никто мне не был нужен.

И вот как это случилось.

Надо сказать, со мной в принципе никто и не общался — это все из-за того, что я не такой, как все. Уж так вышло, что у беспутного отца и матери, которая способна только мести тротуары, родился сын гений. Я это пишу не потому, что самолюбив. Напротив, все свое сознательное детство я пытался доказать обратное — что я такой, как все. Но, увы, гениальность скрыть невозможно. Уже в четыре года я ремонтировал бытовую технику — начал со светильника, а затем разобрал все, что было в доме. Ко мне шли соседи с утюгами и чайниками, тостерами и прочей кухонной ерундой. К восьми

Олег Рой

годам я освоил весь школьный курс по математике, физике и прочим точным наукам.

Я не гуманитарий и, возможно, даже сейчас пишу с ошибками. Но на орфографию мне наплевать, тем более когда одним глазом я подглядываю за своей умной мышью, моющей посуду. В общем, к тому времени, как я пошел в колледж, я знал больше, чем многие профессора. Меня сразу же поразило то, с каким усердием мои одноклассники отмахиваются от науки: казалось, они пришли сюда не для того, чтобы учиться, а для того, чтобы всеми силами противостоять учению. Они проказничали, писали девочкам любовные записки, носились как сумасшедшие по коридору во время перемены, напоминая скорее стадо орангутанов, чем представителей *homo sapiens*. Для меня такое поведение было несвойственно. Я сидел над книгами, тренируя свой пытливый ум, а потому оставался в одиночестве. Я чувствовал себя отвергнутым и в то же время понимал, что это — ерунда, что я гораздо выше моих собратьев по колледжу, но отнюдь не по разуму, я способнее, чем все они, вместе взятые.

Я обратил внимание на Эмили почти случайно. Проходя как-то по коридору, я поднял взгляд от своей вечной спутницы — толстой книги с дополнительными лекциями по высшей математике — и вдруг застыл, увидев ЕЕ. Эмили... Я помню ее такой, какой увидел тогда: невысокая, синеглазая, с белокурыми волосами, связанными в пучок. Она стояла в коридоре с подругой и обсуждала мальчишек из класса. Эмили училась не в моей группе, и потому я увидел ее впервые. Я услышал, как ее подруга сказала, что вокруг одни

Три краски

кретины, а она тихо ответила, что вряд ли это так, что все люди хороши по-своему. Эта наивность, эта вера в людей меня зацепила.

— Вот на этого посмотри! Ну разве не кретин? — спросила подруга, бесцеремонно ткнув в мою сторону. — Эй, парень, рот закрой — бегемот запрыгнет!

Эмили улыбнулась и вдруг посмотрела на меня как-то особенно ласково. Так что я, замороженный ее взглядом, двинулся к ней как под гипнозом и... В итоге я сшиб ее, учебники высыпались из рук девушки, я судорожно начал собирать их, все время извиняясь. Ее подруга снова крикнула что-то обидное, обозвав меня, а Эмили засмеялась — вовсе не обидно, а все так же ласково...

Вынужден отвлекаться.

Эмми звонит, она снова просит пить. Мне кажется, моей мыши нужно придумать какое-то занятие, ей просто скучно, вот она меня все время и подзывает. Пойду поищу ей что-нибудь из литературы.

15 ноября 2011 года

Я не нашел ничего, кроме какой-то религиозной брошюры — толкование Библии и что-то вроде псалтыря. Сам я, как человек неверующий, подобной ерундой не балуюсь, но книжка маленького размера, Эмми будет удобно ее читать, тем более ничего другого более-менее художественного под рукой нет — все же у меня тут не Национальная библиотека. Поэтому я подкинул ей брошюру. Кажется, Эмми нравится. Сегодня она всего один раз поела и попила и даже забыла вымыть за собой посуду. Вот и отлично, значит, я пока могу вернуться к воспоминаниям о моей Эмили.

Олег Рой

Она была замечательной девушкой — совсем не дразнила меня и не сторонилась. Она, правда, оказалась очень смешливой и не могла остановиться даже тогда, когда надо мной издевались другие, — хохотала словно сумасшедшая. Я поначалу обижался, но потом понял, что у Эмили просто такой веселый нрав, и перестал обращать на это внимание. С третьего года наши группы объединили, и тут уж стало совсем здорово: Эмили была всегда рядом. Она даже села возле меня — не за одну парту, конечно (я полагаю, это бы ее очень стеснило), но за соседнюю, ту, что стояла за моей. Рядом с ней сидел Бен Дикент, веселый рослый парень. Я видел, что девчонки засматривались на него, но знал: моя Эмми не такая — она не поведется на накачанную фигуру, понимая, что внутренняя красота человека гораздо важнее внешней. Я верил, она видит, насколько у Бена неразвита мозговая функция, и мог поспорить (да и сейчас могу), что мысли у этого парня были самыми низменными и глупыми. Каждый день Эмили невольно подтверждала мои предположения. Сидя с Беном, она то и дело дергала меня, придумывая массу идиотских поводов: то ей надо подсказать, то дать списать, то решить за нее задачу. Мне было приятно такое внимание, я делал вид, что верю, будто она не может справиться со всей этой ерундой сама, и, разумеется, помогал ей.

Я знал, что влюблен, и с каждым днем все более уходил в это чувство. От одного взгляда Эмили кружилась голова, немело горло, дрожали руки. О, это было прекрасное и самое глупое чувство, какое только дано людям! С Эмили я забывал о самом интересном: о формулах, о новых теоремах, о заданиях, которые так волновали меня

Три краски

раньше. Я радовался новому для меня чувству и в то же время презирал его, боялся, что это гадко, что я становлюсь смешным и глупым.

Возможно, это звучит нелепо, но я хотел даже сделать ей признание и просить ее руки. Такие мысли стали посещать меня уже к моменту окончания колледжа, в ту весну, когда все словно сумасшедшие стали готовиться к выпускному балу. Эмили уже тогда была для меня очень близким человеком. Мы вместе занимались алгеброй, вместе штудировали книги у меня дома. Она уже не морщила нос при виде моего убогого жилья, хотя поначалу, признаюсь, некое подобие брезгливости появлялось на ее красивом лице: ведь Эмили была из богатой семьи и привыкла к роскоши.

Я уговорил ее поступать в Гарвард, хотя, честно сказать, и сам не был уверен в ее силах, но я бы сделал все-все, чтобы она смогла туда пройти, ведь я был настолько влюблен, что не представлял жизни без моей Эмили. Она согласилась, и вот мы вместе грызли гранит науки. Точнее, грызла она, а я помогал, потому как все то, что она изучала, для меня было равносильно букварю — просто до предела...

Прерву мое повествование — только что я взглянул на клетку и остолбенел от изумления: Эмми (речь теперь идет, разумеется, о мыши) стоит и крестится. Она приняла религию! Невероятно! Надо бы и самому прочитать ту брошюрку... Или лучше не читать — достаточно и одного религиозного фанатика в нашей маленькой лаборатории.

16 ноября 2011 года

Это уже не мышь, это настоящая львица. Я чувствую, что устаю от нее. Мне нужно отдохнуть, взять отпуск, но я не могу себе этого

Олег Рой

позволить — столько событий происходит в моей жизни. И теперь мне крайне необходимо изложить их на бумаге (точнее, отобразить на мониторе), но на все не хватает времени. Развитие Эмми (мышы) достигло своей высшей точки. Дальше уже ничего не происходит, мне кажется, что начинается спад. Нет, меня это не расстраивает, я, честно сказать, жутко утомился с нею. Завтра попробую ввести вакцину Кристи — измененный состав. Не знаю, как отразится это на белой мышы, но надеюсь, ее поведение станет не таким агрессивным и властным, как у Эмми. А пока продолжу рассказ о моей Эмили.

Итак, мы готовились к экзаменам. Она приходила ко мне каждый день, смеялась и делала какие-то странные намеки. Один раз Эмили спросила у меня, был ли я когда-нибудь влюблен. Я очень смутился и, кажется, даже покраснел. «Интересно, Джонни, когда ты женишься? Хватит ли тебе смелости признаться девушке в любви и повести ее под венец?» — лукаво улыбаясь, интересовалась Эмили. А я старался изо всех сил сохранять спокойствие. Под влиянием этих намеков я все больше стал думать о признании.

Но однажды, когда Эмили пришла ко мне, мне показалось, что девушка расстроена. Я спросил ее, что случилось, но она тут же попросила ни о чем ее не расспрашивать и предложила сразу перейти к занятиям. Я согласился, однако стоило мне прочитать условия первой же задачи, как Эмили подняла от книги голову, внимательно посмотрела на меня — так, что я почувствовал: еще немного, и я покраснею. «Джонни, ты умеешь хранить секреты? Нет, не отвечай, я знаю, что умеешь. А еще я знаю, что ты меня любишь», — вдруг сказала она.

От этих слов я залился краской и почувствовал, что не могу дышать. Я посмотрел украдкой в окно, в тот момент мне почему-то хотелось открыть его настежь и глотнуть свежего воздуха. Я думал именно об этом глотке воздуха, но все равно не шевелился, мои суставы затекли, ноги онемели. Я был совершенно парализован. «Я плохая, Джонни», — вдруг грустно проговорила Эмили. В ее голосе слышалась такая горечь, и я тут же пришел в норму. «Нет, ты хорошая», — попытался я возразить. «Нет, Джонни, ничего не говори, я плохая. Я издеваюсь над тобой. Смеюсь над тобой...» Она произнесла это, и я вдруг понял, что знаю это и что принимаю как должное — я не видел ничего в этом обидного, ведь она, несмотря на всю свою красоту, свое обаяние, являлась обычной девушкой. Она не была мною и не могла понять многих вещей, пыталась соответствовать другим людям, ничем не выделяться среди них, а потому проигрывала. Я открыл рот, чтобы сказать ей все это, но не издал ни звука. Странно, строя формулы, решая задачи или читая теорию, я чувствовал себя богом, но рядом с этой девушкой я оказывался ребенком, лишенным дара речи. «Я плохая, — повторила Эмми. — Зачем я тебя мучаю? Пришла сюда, хотя знаю: стоит ему позвонить, и я помчусь к нему! Просто он гонит меня, словно маленькую собачонку, и вот я снова здесь. Как все это надоело, Джо! Как все это унижительно! Я падаю в пропасть и сама понимаю это! Понимаю, но лечу...»

Я затаил дыхание. В голове не хотела укладываться вся информация. Хотя зачем я вру? Конечно же, там все сложилось — это проще пасьянса, но я не хотел принять это новое: Эмили встречается с Дикентом. Я давно слышал нелепые слухи об их взаим-